

«Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? Вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою... входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... И вот ваше управление закончилось!» — глумился над собеседниками на Патриарших заезжий консультант, профессор черной и белой магии Воланд.

Эти нетленные строки М.А. Булгаков создал в 1930-е. Немногие смогли прочитать их в то время, но рукопись романа, очевидно, читали не только близкие и не только почитатели таланта писателя.

Когда, пусть и с купюрами, роман был напечатан в 1960-е, руководящая сила государства уже приняла программу строительства коммунизма с расчетом к 1980 году наконец «догнать и перегнать» по заданным показателям производства продукции всех и вся. В 2020-м фигура речи о «саркоме легкого» заиграла новыми резонансами.

В массовом сознании в то время укоренился и до сих пор властвует миф о рынке и плане. Полвека назад имелось в виду, что одна часть мира «правильно» развивается плановым образом, более или менее централизованно и административно-директивно, а другая часть «неправильно» отдана во власть «невидимой руки» рынка. Вмешательство государства в экономическое развитие в целях антициклической (антикризисной) политики и милитаризация трактовались как «сращивание» госаппарата и частных корпораций, вплоть до известного высказывания Эйзенхауэра о возникновении ВПК как едва ли не сосредоточения всей сомнительности американской силы.

Сейчас полюса мифа практически перевернулись, но суть конструкции оказалась прежней.

Миф, как и идеология, всегда коренится в объективных реалиях, становясь при их существенных изменениях чересчур и «превращенной», и искаженной реальностью.

Для сохранения адекватности мифа и его исходного ядра нужны своевременные настройки. Совсем искоренить его невозможно, пока в жизни есть и план, и рынок, и иные способы координации жизни социума, тоже находящие свое мифотворчество. Но по принципу «сход/развал» накопление нестроений и отклонений от модели может стать критически опасным.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-7.173.2020.5

Дефицит плана? Или рынка?

Именно в такой фазе эволюции понимания сути плана и других регуляторов экономической жизни мы оказались сегодня.

Если посмотреть на самые развитые страны современного мира, то среди них не только столпы «невидимой руки». Феноменальные экономические успехи Китая, Сингапура, Южной Кореи, Японии трудно относить к триумфу одного лишь рынка. Это запредельно неприличная натяжка. А когда оказывается, что в США, Германии, Франции и других «либеральных странах» действует сложно, но целенаправленно выстроенная система стратегического планирования развития, которая формировалась в течение всего XX века и непрерывно совершенствуется с тем, чтобы успешно решать фундаментальные и долгосрочные задачи развития, то готовность «вдребезги и пополам» разрушить созданную «всерьез и надолго» собственную систему планирования ради «перехода к рынку» предстанет в странном свете, похожем на дым, дурман, на нечто сродни опьянению.

Причем эффект от этого опьянения, возникшего дважды в одном столетии с залихватским мотивом «до основанья, а затем», устойчив, как показывает опыт, долго. Отчасти потому, что больно признавать совершенные ошибки выбора. Даже возлагая их на кого-то другого. Это, кстати, один из способов дестабилизации социума — ворошить старые раны. Совсем их не помнить — патология. Помнить и ворошить без понимания — риск.

В этом смысле забывать о ГОЭЛРО, об успехах советской системы планирования — глупо. Не понимать ее преимуществ и слабостей — невежество. Без памяти и понимания сути советского планирования вообще не понять 1991 год. А совершенный тогда стратегический выбор не осмыслен до сих пор. Это не позволяет увидеть то, каким образом устроены драйверы развития, в том числе и на нынешнем этапе мирового, остро конкурентного развития.

Необходимость рывка в развитии более чем очевидна. Очевиден и факт наличия какой-то тормозящей это развитие системы институтов, включающих и органы, и их взаимодействие, и массовые мифы. Сам факт недавней ликвидации кучи «институтов развития» с передачей их функций симптоматичен и символичен. Давно так массово не увольняли начальников, призванных обеспечить именно рывки в развитии.

Одним, едва ли не важнейшим из тормозящих развитие факторов является миф о плане и рынке. Первый был уничтожен, второй не сформирован. Разумеется, это тезис на уровне высоких обобщений. План зачастую отождествляют с самодурной директивой «центра». Подобное бывало в нашей истории. Но сколько самодурных инициатив в эпоху перехода к рыночной экономике с упорством реализовалось и какой ущерб нации они нанесли?

В результате сегодня перед нами сложнейший вызов: (1) не загубить «лечением» и водопадом новых «регулируемых» еще живой и в принципе слабый у нас и вовсе не ангельский «рыночный механизм» и (2) создать немонстроподобные системы стратегического планирования. Не менее важна и задача формирования того, что называется общественной координацией. И, безусловно, все — с учетом новых цифровых шансов и рисков.

В потоке новых законов и поправок, постановлений и установок, фактической чистки аппарата управления и лихорадочных реакций на случившиеся и ожидаемые форс-мажоры не упустить бы главное.